

СССР

В жизни Ива Монтана

Ив Монтан и Симона Синьоре в Кремле

«ВОТ ТАК вы будете счастливы!..»

В 1956 году французский певец и актер Ив Монтан, член Французской компартии и большой друг Советского Союза, собрался ехать на гастроли в СССР.

Он был весел и полон счастливых ожиданий: страна победившего коммунизма привлекала свободой, равенством, братством — идеалами Великой Французской революции, казалось, осуществившимися на практике. Страна, разгромившая полчища Гитлера и освободившая пол-Европы — шутка сказать! — поддерживающая его партию, та самая страна, где все разделяют его убеждения. Здесь, во Франции, он подчас чувствовал себя изгоем, как большинство преуспевших в жизни коммунистов: бедняк среди богатей и богат среди бедняков. И все-таки был уверен в своей правоте. Однажды в кинотеатре во время просмотра какая-то толстая дама принялась кричать: «Долой коко! (коммунаж)». Ив Монтан не удержался — когда зажег свет, встал и громко сказал только одно слово: «Сталинград». Подействовало! Так им, этим зажавшимся фашиствующим буржуям!

И вот теперь он сидел в раздумье, обуреваемый самыми печальными мыслями, раздавленый.

Симона Синьоре, известная актриса, его жена — они были образцовой, любящей парой французского кино, — сказала ему: «Не ездь туда. Если ты споешь для них, тебе больше не дадут петь здесь». Он возмутился, но ничего не сказал. Плевать ему! Он поедет. А сейчас он понял, что сам не хочет ехать...

Советские танки вошли в Будапешт.

«Будапешт — это было как удар в морду, — напишет он потом в воспоминаниях, которые наговорит на кассету незадолго до смерти. — После русского вторжения в

Венгрию я не знал, что мне делать. Мои мнения каждый час менялись. С одной стороны, у меня был договор, и я хотел честно выполнить его условия. Я был не один, расписание поездок моих музыкантов было давно распланировано. С другой стороны, у меня было ощущение, что разразилась катастрофа. Против поездки была Симона...»

Что там Симона — агрессию Советов ругательски ругает вся прогрессивная Европа. На следующий день Монтан и Синьоре обедают в маленьком бистро вместе с Жераром Филиппом — настоящей звездой, Фанфаном-Тюльпаном, Тилем Уленшпигелем, Сидом, словом, национальным символом Франции. В бистро работает маленький телевизор. Втроем они смотрят, как советские танки утюжат Будапешт. Тридцать тысяч погибших. Настоящее народное восстание. Против коммунистов.

Вдруг темпераментный Жерар Филипп хватается за глотки, стелкивает лбами. Ив и Симона в шоке. «Там вы будете счастливы, — злобно шипит Филипп, — там вы будете, будете счастливы... ВОТ ТАК вы там будете счастливы!..» Он уже побывал в СССР, в Польше, и впечатления привез нерадостные. Нищета и несвобода. Его рассказы причинили серьезную боль Монтану.

Но Жерар Филипп не был коммунистом, и у него не было причин всячески сочувствовать Советам. Потому и взгляд его был куда более объективным. А Монтан не мог даже слушать, когда на актерских вечеринках издевались над пролетарским интернационализмом... «Перестаньте, я не хочу этого слышать. Вы все, кто сидит за этим столом, не способны понять русскую революцию, она не для таких господ как вы. Она для рабочих и крестьян! Это не наша революция. Она — их!» И тут его сердце сжимается. За столом — молчание. Все смотрят на него с жалостью: бедняга Монтан, такой упертый, чего с таким разговаривать. И он начинает колебаться.

Если поехать — расценят как поддержку сталинистов. Не поехать — скажут, что испугался своих, французских реакционеров...

Монтана, человека с крутым, несговорчивым и справедливым характером, «добила» история, которая будет небезынтересна нашим знатокам старого французского кино. Помните старый фильм Жака Беккера «Монпарнас, 19», где великого и несчастного Модильяни играл Жерар Филипп? Он имел у нас большой успех. «Я должен был после запланированного турне по странам Восточной Европы играть Модильяни в фильме Беккера, — писал Ив Монтан. — Продюсером был Дойчмейстер. Он пришел в мой дом и сказал с немецким акцентом: «Если вы поедете, я не стану делать фильм с вашим участием». Такого не надо было мне говорить. Я ответил: «Вот оно что. Ну, я вроде еще не принимал решения, но теперь мне ясно, как поступить: я еду».

И он поехал.

Свой среди чужих

Холодной ночью в «Шереметьево» Монтана и Синьоре встречали толпы поклонников. Встречали цветами, улыбка — в СССР ведь так любят искусство, артистов, песни... «Это очень взволновало нас, и все же я чувствовал, что такая толпа не могла собраться сама по себе, — вспоминал Монтан. — Ведь актеры лучше всех умеют читать чужие взгляды. То же впечатление сложилось у меня спустя несколько недель, во время визита на автомобильный завод, где я пел, встав на грузовик. Вдруг выскочил рабочий паренек, чтобы прочесть стихи, посвященные мне и Симоне. И тут я по-актерски догадался, что перед нами чертик из табакерки. За его возгласами типа «Позвольте поблагодарить вас, как же это замечательно, что вы с нами», — явно чувствовался привкус иронии».

Как-то раз перед вечерним выходом на сцену в артистическую

Монтана ввалился армянин, крича: «Невозможно вытерпеть это! Я не могу больше жить в этой стране». Он просил Монтана помочь ему бежать. Старый Монтан не скрывает наивности своих молодых лет: «Я выпроводил его из артистической, но это стало для меня невероятным потрясением».

В тот же вечер Монтану шепнули на ухо, что Хрущев с группой из правительства желает его видеть после выступления. «Я ответил, как любой артист в мире: если они хотят меня видеть, пусть зайдут. Стали настаивать. Я понял, что нас приглашают на званый ужин. Он состоялся в маленькой комнате, где во главе стола сидели Хрущев и члены Политбюро. «Первое, что у меня спросил Хрущев: «Как там Джованни?» Хозяин Кремля, спрашивающий меня об отце, при этом еще и называя его просто по имени! Подготовили его, подлеца», — сокрушенно пишет Ив Монтан.

Как было обойтись без венгерской темы? Но и задать прямой вопрос недипломатично... Помог Микоян — сам перешел на наступление, ехидно спросив: «Итак, господин Монтан, фашисты все-таки позволили вам приехать к нам?» «Я на секунду заколебался, потом встретил взгляд Симоны и прочитал там все, что должен сделать. И я сказал: «Мне не фашисты мешали приехать. Я сам с трудом решился после того, что произошло в Будапеште. А фашисты как раз были очень рады тому, что происходило там на улицах. Как вы могли так поступить? Мы не понимаем. Мы потрясены!» Хрущев сделал удивленное лицо: «Как так! Только фашисты против ввода наших войск в Будапешт». Тогда вступила Симона: «Нет, коммунисты тоже были возмущены».

Хрущев, рассказывает Монтан, пустился в длинные объяснения. Он произнес возмущенную речь о том, как была ликвидирована польская компартия. Как убивали предводителей испанских интербригад. А потом — о том, как ликвидировали Берия. «Забавно было, словно это наш с Симоной маленький двадцатый съезд КПСС», — пишет Монтан. — Он рассказывал о преступлениях Сталина, и я слушал раскрыв рот. Он был очень говорлив, играл целые сценки, мимически изображал разных людей. Бывал и смешон, а иногда потрясал. Я был очарован этим человеком. Он был великолепным актером...» Вспомнив рассказ Хрущева о совместной работе со Сталиным («Когда мы ехали к нему на дачу, куда нас могли вызвать в любое время дня и ночи, никто не знал, удастся ли ему вернуться живым»), Монтан грустно заключает: «Все то, что рассказывали самые заклятые враги коммунизма, оказалось правдой».

Бунт парижского мальчугана в ЦДЛ

Были еще поездки по России, поразившие Монтана устрашающе нищенские деревянные, вросшие в землю избушки и неухоженные, недобрые люди в телогрейках. И роскошная встреча Нового года в Кремле, вместе с правительством, с икрой и шампанским, после которой Монтан понял грустный советский анекдот: потерпев неудачу в попытке построить коммунизм в одной отдельно взятой стране, партаппаратчики построили коммунизм для одних отдельно взятых самих себя.

И он правдиво рассказал обо всем, когда приехал домой.

Собственно, многие крупные западные деятели выступали против советского тоталитаризма. Но их худо-бедно переводили, приглашали, уж во всяком случае — не всегда строго запрещали. Но заговор советской официальной печати против Монтана оказался намного круче, чем против всех остальных. Он принял анекдотически глупые формы. Например, серьезная книга французского кинорежиссера Жан-Пьера Жанкола «Кино Франции», выпущенная на русском в 80-е годы, просто вошла в историю советского редакционно-

издательского дела: верноподданный редактор — конечно, выполняя указания «свыше» — старательно вымарал из всего текста само имя Ива Монтана, и получилось, что не играло никакого Монтана ни в «Плате за страх», ни в «Жить, чтобы жить» — да вроде и вообще не было такого...

Откуда взялось такое яростное желание холопски бессильной, но сладкой мести?

А произошло вот что. Об этом рассказывает сам Ив Монтан.

«В Москве мне приготовили очень насыщенную программу. Я пел перед студентами, перед рабочими. Это было нормально, мне было хорошо. Но однажды вечером в Доме литераторов я был жестоко оскорблен. Настояли, чтобы я пришел, но я предупредил, что не буду петь. «Я очень устал, я уже столько пел. Я просто хочу съесть кусочек чего-нибудь вместе с вами, поболтать, но ни в коем случае не просите меня петь: я не стану». Едва мы вошли в зал, как я увидел уже установленную эстраду с микрофоном. А я был голден, только что с выступления в «Лужниках». К микрофону подошел какой-то тип и объявил: «Мы просим Ива Монтана спеть нам». И вся свора официальных писателей и художников, разодевшихся как для официального приема и похожих на пингинов, принялась скандировать: «Ив Монтан, пой! Ив Монтан, пой!»

Меня охватило холодное бешенство. Я подошел к микрофону и запел первый куплет «Парижского мальчугана». Но тут же остановился, обвел взглядом присутствующих, сгреб в охапку своего пианиста, потащил Симону и громко и театрально прошипел сквозь зубы, с хулиганским присвистом: «Ребята, смываемся!» И тут вышла сцена из какой-то французской комедии. Вся эта сволочь вдруг устремилась за нами. Я остановился, повернулся к ним и бросил в эти лица оскорбительные слова. Все, какие знал, я вылил им на головы со злобным и радостным хохотом: про их славословия Сталину, их низость, допустившую чистки. Под конец я крикнул им: «Грязные свиньи!» — и мы скрылись».

А «вся эта сволочь» — как раз и был советский редакционно-издательский официоз. Не удивительно, что заговор молчания продлился аж до 90-х годов...

Мать и мачеха

Но еще в 60-е молодой и смелый русский поэт Евгений Евтушенко, приехав в Париж, встретился с Монтаном и рассказал ему такое. Советский самиздат, радикально отрицавший все, связанное с коммунистическим режимом, до того называл Монтана певцом тоталитаризма и аппаратчиком от культуры... Но случай в Доме литераторов заставил их изменить свое мнение.

Ив Монтан приехал в СССР еще раз — уже при Горбачеве, накануне своей смерти, которая случилась почти синхронно с развалом Советского Союза. Страна была уже совсем совсем другой. Его окружали молодые, радостные лица, полные надежд. И о Сталине, и о Хрущеве эти молодые люди думали то же, что и Монтан. Тогда было модно задавать гостям с Запада трудные, бестактные вопросы. Его спросили: помнит ли он тот визит, беседы с советским руководством, травлю в советской печати?

И вдруг глаза старого актера увлажнились. Он вспомнил. Нет, совсем не Кремль. «Мы очень сдружились с нашими переводчиками, особенно с Надей; она сказала нам русскую пословицу, больно меня ранившую: Россия мать для иностранцев и мачеха для своих детей. И хотя я понял, что это правда, и не хотел больше этого видеть, — я был очарован русскими, русской публикой, парнями, приходящими чистить окна в моей артистической, и уборщицей, которая мыла мне пол тряпкой».

По материалам зарубежной
прессы подготовил
Дмитрий САВОСИН

Монтан Ив
(монтаж)

30.12.04
405